

кались «все людье», но особо отмечен плач его любимого сына Всеволода.³² О смерти Изяслава I в 1078 г. сказано больше: «и понесоша в град, и не бе лзе слышати пенья в плаче велице и воле: плакася по немь весь город Киев. Ярополк же идяше по немь, плачася с дружиною своею: „Отче, отче мой! что еси бес печали пожил на свете семь, многи напасти приемь от людей и от братья своея? Се же погипе не от брата, но за брата своего положи главу свою“». Здесь впервые приведен индивидуальный плач, говорящий именно о погибшем в бою князе.

Краткие упоминания о плаче найдем при смерти Ярополка Изяславича в 1087 г., великого князя Всеволода в 1093 г. (отмечено, что плакали его сыновья Владимир Мономах и Ростислав), великого князя Святополка II в 1113 г.

Несколько больше сказано о смерти Владимира Мономаха в 1125 г. — сперва похвала умершему, а затем описание плача: «Святителе же жалящеси плакахуся по святом и добром князи, весь народ и все людие по немь плакахуся, яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем все людие и сынове его... и внуци его; и тако разидошася все людие с жалостью великою, тако же и сынове его разидошася, каждо в свою волость, с плачем великом». Здесь мы видим, что причитания были не только до погребения, но и после него. Заметим, что в приведенных примерах не упоминается вдова покойного князя.

Не будем приводить всех последующих упоминаний. Отметим лишь, что в 1154 г. о смерти великого князя Изяслава II сказано: «плакася по нем вся Руская земля и все Чернии Клобуци, и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци». Здесь впервые мы видим, что в погребальном плаче умершего князя можно называть «царем».

Подробнее изложены плачи в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. Во-первых, о нем плачет его верный Кузьмище Киянин: «Господине мой, како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе, или како ся еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых Болгар? И тако плакася и». Затем тот же Кузьмище причитает: «Уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знают» и т. д. Горожане боголюбские не плачут, а занялись грабежом княжьего дома и домов посадников и тивунов. Но когда тело вели-

³² В XI в. первые развернутые плачи находятся в «Сказании о страсти и похвале» князьям Борису и Глебу, приписываемом Иакову-мниху. Узнав на реке Альте о смерти своего отца, Борис причитает: «Увы мне, свете очю моею, сияние и заре лица моего, бздру уности моее наказание недоразумения моего. Увы мне, отче и господине мой! К кому прибегну, к кому взърю?... Увы мне, улы мне! Како заиде, свете мой, не сушу ми ту?... Сердце ми горит, душа ми сьмысл сьмушае и не веьм к кому обратитися» (Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 29). Так же плачет и Глеб на Смядине, узнав из послания Ярослава о смерти отца и убийении брата Бориса: «О улы мне, господине мой! От двю плачу плачюся и стению, дьвою сетованию сетую и туюю. Увы мне, улы мне! Плачу зело по отци, паче же плачюся и отчаях ся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободен еси... Увы мне! Уне бы с тобою умрети ми, неже уединену и усирену от тебе в семь житии пожити» и т. д. (там же, стр. 39—40). Эти плачи, конечно, сочинены автором-монахом, который не мог никак их слышать и ему даже не могли их передать. Поэтому оба плача чрезмерно окрашены церковными элементами. Но важно следующее: автор был убежден, что при смерти отца сыновья (даже находящиеся далеко от гроба) обязаны изливать свое горе в причитаниях, в которых традиционные формулы сочетаются с указаниями на особые черты личности умершего и на обстановку его смерти. Заметим, что некоторые выражения обоих плачей могут восходить к реальным формулам княжих плачей, например: «увы мне», «свете очей моих», «свете мой», «како заиде»; наконец, обращение к умершему отцу или старшему брату как к «господину».